

О феномене цифрового кочевничества¹

Д.Е. ДОБРИНСКАЯ, кандидат социологических наук.
E-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
ORCID: 0000-0002-8691-9637

Аннотация. В данной обзорной статье рассматривается феномен цифрового кочевничества (или цифрового номадизма), который анализируется в рамках трех дискурсов: экономического, социокультурного и технологического. В качестве факторов его распространения приведены механизмы гиг-экономики и цифровой занятости. Продемонстрированы особенности идентичности цифрового кочевника, который стремится к балансу между трудовыми и досуговыми практиками, показана важная роль в формировании этой идентичности сообщества кочевников. В рамках технологического дискурса рассматривается роль технологий в жизни цифровых номадов. В статье выделен ряд характеристик цифрового кочевника: осознанный выбор кочевого образа жизни, чрезвычайно высокий уровень географической мобильности, владение сетевым и цифровым капиталами. В заключении проблематизируется вопрос о рисках и угрозах для выбравших цифровой номадизм в качестве своей жизненной траектории. Статья базируется на результатах исследований цифрового кочевничества и удаленной занятости, проводившихся в 2017–2019 гг.

Ключевые слова: цифровая трансформация; цифровое общество; цифровое кочевничество; цифровой кочевник; гиг-экономика; фрилансеры; досуг; цифровая занятость; сетевой капитал; цифровой капитал; социальные риски

Введение

На вопрос «Кто такие цифровые кочевники?» в недавней статье журнала Forbes Life дается не вполне беспристрастный ответ: «*Счастливые фрилансеры, чья жизнь не привязана к офису, так что они могут работать удаленно и переезжать с места на место*»². Это типичное описание относительно мало распространенного и поэтому недостаточно изученного феномена возврата части наших современников к кочевому образу жизни. Свободный и успешный человек, путешествующий по всему миру без багажа

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01106 «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России».

² *Сван А.* Цифровые кочевники: как становятся digital nomads и где они обитают. Forbes.ru [Эл. ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife-photogallery/380089-cifrovye-kochevniki-kak-stanovyatsya-digital-nomads-i-gde-oni> (дата обращения: 14.08.2019).

и обязательств, становится новым героем нашего времени. Этим объясняется большое число публикаций о цифровых кочевниках в популярных СМИ³; книг, посвященных этому феномену и содержащих конкретные рекомендации для успешных практик нового номадизма [Barrett, 2018; Jacobs, Gussekloo, 2016; Knudson, Conaway, 2017]. В онлайн-пространстве, помимо блогов и личных страниц цифровых кочевников в социальных сетях, создано большое количество специализированных интернет-площадок для представителей этого сообщества.

В социологии образ жизни в его широком понимании определяется как «способы, формы и условия индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека (трудовой, бытовой, социально-политической и культурной), типичные для конкретно-исторических социально-экономических отношений»⁴. В этом смысле распространение образа жизни цифровых кочевников может быть рассмотрено в контексте революционных технологических изменений, происходящих в последние несколько десятилетий в большинстве стран мира. Радикальные технологические трансформации определяют ключевые тенденции современных обществ, характеризующихся высокой степенью *сложности, мобильности, сетевизации, суперсвязанности и цифровизации*. Эти тенденции создают условия для распространения нового⁵ кочевого образа жизни.

В цифровом обществе все отчетливее проявляются новые *формы и способы* социального взаимодействия, усиливается индивидуализация, наблюдаются глубокие изменения в сфере труда и реализации повседневных практик, в том числе растет число

---

³ См., например: «Появился термин digital nomad – “цифровой кочевник”» – Коммерсантъ FM. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3849840>; The world is my office: why I chose to become a digital nomad worker. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/may/11/digital-nomads-work-technology-asia-cities-wifi>; Meet the ‘digital nomads’ who travel the world in search of fast. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2015/jun/16/digital-nomads-travel-world-search-fast-wi-fi>; How Digital Nomads Stay Grounded While Living On The Fly. URL: <https://www.forbes.com/sites/alexandratalty/2019/04/30/how-digital-nomads-stay-grounded-while-living-on-the-fly/#7827776bbc54>; How to Become a ‘Digital Nomad’. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/27/travel/how-to-become-a-digital-nomad.html> (accessed: 16.11.2019).

⁴ См. Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. С. 207.

⁵ Описывая здесь новое кочевничество, автор тем самым подчеркивает и тот факт, что в XXI веке имеют место и традиционные кочевые практики во многих регионах мира.

людей, которые хотели бы «взять свою работу в путешествие»⁶. Они стремятся к максимальной мобильности и постоянной подключенности к сети при использовании в качестве рабочего места множества различных точек глобального сетевого пространства [Кужелева-Саган, 2015. С. 181–182].

Практики ведения кочевого или полукочевого образа жизни, которые связаны с эффектами цифровизации, сетевизации и связанности современного мира [Вершинина, 2018], стали именоваться «цифровым кочевничеством». Впервые термин «цифровой кочевник» использовали Ц. Макимото и Д. Мэннерс в книге с одноименным названием, которая была опубликована более двух десятилетий назад [Makimoto, Manners, 1997]. В ней авторы предсказали, что многие люди в будущем будут работать, находясь «в постоянном движении». Однако еще до появления этой книги многие исследователи (к примеру, Ж. Аттали, З. Бауман, Ж. Делез и Ф. Гваттари, У. Митчелл и другие) начали обращаться к образу кочевников, полагая, что именно кочевое состояние является одной из тех характеристик, которая способна в полной мере отразить новые важные тенденции развития современного мира.

Тем не менее некую критическую массу последователей, делающую его заметным в широких кругах, этот феномен набрал лишь ко второй половине 2000-х г., когда в Интернете началось активное продвижение этого образа жизни, его преимуществ и возможностей⁷. Цифровые кочевники, как правило, используют социальные сети и другие платформы для общения, взаимопомощи и обмена опытом. К примеру, на странице группы «Цифровые кочевники по всему миру» в Фейсбуке зарегистрировано более 120 тыс. уникальных пользователей⁸.

Цифровые кочевники, как и другие работники, осуществляющие свою трудовую деятельность удаленно, не зависят от территориального расположения организации или конкретного клиента, с которыми они работают, однако их характерной чертой

---

⁶ Lea, G. (2019). The world is my office: why I chose to become a digital nomad worker | Technology | The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2019/may/11/digital-nomads-work-technology-asia-cities-wifi> (accessed: 25.11.2019).

⁷ Chayka, K. (2018). When You're a 'Digital Nomad,' the World Is Your Office – The New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/02/08/magazine/when-youre-a-digital-nomad-the-world-is-your-office.html> (accessed: 10.11.2019).

⁸ URL: <https://www.facebook.com/groups/DigitalNomadsAroundTheWorld> (дата обращения: 14.01.2020).

является чрезвычайно высокий уровень мобильности. Зачастую они полностью отказываются от идеи постоянного пространства для работы или жизни [Prester et al., 2019]. Стремление находиться в постоянном движении и свобода реализации этого стремления являются стержнем образа жизни цифровогономада.

В настоящее время число цифровых кочевников в мире с трудом поддается даже приблизительной оценке по причине их высокой мобильности [Wang et al., 2018], но также и потому, что до сих пор не сложилось единого мнения о том, кого можно отнести к этой категории. Так, некоторые исследователи полагают, что количество цифровых номадов насчитывает от 200 до 500 тыс. чел. [Schlagwein, 2018a]. В то же время в ходе опроса, проводившегося в США в 2019 г., 7,3 млн чел. назвали себя цифровыми кочевниками⁹.

Об этом исследовании стоит рассказать чуть подробнее. Речь в нем идет о так называемых «независимых работниках» (консультанты, фрилансеры, подрядчики, индивидуальные предприниматели, временные работники или работники «по требованию»), которых, по последним данным, в США насчитывается около 41 млн чел. Из них 4,1 млн чел. относят себя к цифровым номадам. Кроме того, по результатам того же исследования, среди традиционных работников (то есть тех, кто работает в штате компании по трудовому контракту) около 3,2 млн чел. имеют возможность осуществлять свою трудовую деятельность удаленно. Они также идентифицируют себя как цифровых кочевников. Таким образом, результаты исследования 2019 г., проведенного MBO Partners, показывают, что в США в настоящее время примерно 7,3 млн чел. считают себя цифровыми кочевниками¹⁰.

Что касается академических исследований данного феномена, следует отметить интерес к данной тематике преимущественно за рубежом [Hall et al., 2019; Kong, Schlagwein, Cecez-Kecmanovic, 2019; Müller, 2016; Nash et al., 2018; Reichenberger, 2018;

---

⁹ The MBO Partners. (2019). *A State of Independence in America Research Brief Digital Nomads: Leading the Shift to Remote and Distributed Work*. Available at: https://s29814.pcdn.co/wp-content/uploads/2019/09/DigitalNomad_2019.pdf (accessed: 13.01.2020).

¹⁰ The MBO Partners. (2019). *A State of Independence in America Research Brief Digital Nomads: Leading the Shift to Remote and Distributed Work*. Available at: https://s29814.pcdn.co/wp-content/uploads/2019/09/DigitalNomad_2019.pdf (accessed: 13.01.2020).

Schlagwein, 2018b; Thompson, 2019; Trimoldi, 2018; Wang et al., 2018]. В России регулярные исследования проводятся на базе Томского государственного университета [Кужелева-Саган, 2015; 2017; Кужелева-Саган, Сучкова, 2019], но в последнее время эта тема привлекла внимание ученых и из других регионов [Арпентьева, 2017; Яковлева и др., 2017; Krivtsova, Martynova, 2018].

Большинство исследователей при определении цифрового кочевника выделяют три ключевые характеристики: свобода выбора, свобода перемещений и свободное владение новейшими информационными и коммуникационными технологиями (цифровой и сетевой капиталы). Современные средства коммуникации позволяют осуществлять профессиональную деятельность без каких-либо временных и пространственных ограничений, в режиме онлайн, что дает возможность взаимодействия с работодателем (клиентом) из любой точки мира, совмещая работу со своими досуговыми предпочтениями (путешествиями). Таким образом, *цифровой кочевник* – это индивид, осознанно выбирающий такой образ жизни, который позволяет ему/ей работать удаленно, используя современные информационно-коммуникационные технологии, и одновременно постоянно (или достаточно регулярно) переезжать с места на место. В отличие от традиционных кочевников, которые кочуют в поисках пропитания, новых пастбищ (если занимаются скотоводством), в целях обеспечения собственной безопасности, цифровые номады в XXI в. выбирают кочевой образ жизни для того, чтобы жить свободно и гармонично, совмещая работу и любовь к путешествиям.

Кто же они, цифровые кочевники?

Упомянутое исследование MBO Partners разрушило стереотип относительно типичного представителя цифрового кочевничества (молодые люди, преимущественно мужчины). По его данным, современные номады – это весьма неоднородная группа и по возрасту, и по доходу, и по специфике профессиональной деятельности. Так, свыше трети (39%) от общего числа кочевников – это женщины, а более 40% по возрасту перешагнули 40-летний рубеж. Они могут работать как в качестве штатных специалистов (61%), так и в режиме неполной занятости (39%). Доходы, полученные от профессиональной

деятельности цифрового кочевника, весьма существенно варьируют не только потому, что различаются характер и оплата труда, но и по той причине, что длительность кочевого периода в течение года может быть различной¹¹.

Как показывают исследования, основная доля кочевников не состоят в браке, и даже в постоянных отношениях (только треть имеют постоянного партнера). Большая часть опрошенных не имеют детей, и лишь немногие планируют завести их в обозримом будущем. В то же время треть опрошенных – убежденные сторонники идеологии чайлдфри¹² [Thompson, 2018].

Для поддержания кочевого образа финансовая обеспеченность – отнюдь не самое главное. Путешествовать можно с минимальными средствами, от этого зависит только степень комфорта [Кужелева-Саган, 2015. С. 182–183]. Гораздо важнее, чем наличие материальных и финансовых ресурсов, обладание сетевым и цифровым капиталами, которые обеспечивают эффективную профессиональную деятельность цифровых кочевников.

Дж. Урри определяет *сетевой капитал* как «способность порождать и поддерживать социальные отношения с людьми, не обязательно находящимися в географическом соседстве, получая от этих отношений эмоциональные, финансовые или практические выгоды (хотя также часто они заключаются в различных объектах и технологиях или же средствах нетворкинга)» [Урри, 2012. С. 362]. Этот исследователь отличает сетевой капитал от экономического и культурного капиталов, понятия которых предложил П. Бурдьё [Bourdieu, 1984], так как в нем наличествует целый ряд обязательных элементов, которые не присутствуют в определении капиталов П. Бурдьё. Сюда относятся набор документов для путешествий; существование удаленных «других» (к кому возможны визиты и с кем поддерживается коммуникация на расстоянии); способности и навыки, позволяющие путешествовать пешком, на транспорте и использовать в этих путешествиях различные коммуникационные устройства; возможность получения, обработки и хранения информации

---

¹¹ The MBO Partners. (2019). *A State Of Independence In America Research Brief Digital Nomads: Leading the Shift to Remote and Distributed Work*. Available at: https://s29814.pcdn.co/wp-content/uploads/2019/09/DigitalNomad_2019.pdf (accessed: 13.01.2020).

¹² От англ. childfree (свободный от детей) – субкультура и идеология, характеризующаяся сознательным нежеланием иметь детей.

во время путешествий; наличие различных коммуникационных устройств для поддержания удаленных контактов; места встреч; доступ к средствам передвижения и коммуникационным устройствам; время и другие дополнительные ресурсы, которые могут быть полезны во время путешествий [Урри, 2012. С. 363]. Добавим к этому списку аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, наличие друзей и фолловеров¹³ этих страниц, видеоблог или профиль в Инстаграм, аккаунт в Твиттере, общение по электронной почте – то есть все то, что способствует укреплению и расширению коммуникаций.

Цифровой капитал, по определению М. Рагнедда, это «совокупность знаний, опыта, навыков, цифровой грамотности, возможность доступа к ИКТ, которые могут быть преобразованы в другие виды капиталов (экономический, социальный, культурный, политический)» [Ragnedda, 2017. P. 76]. Ученый рассматривает цифровой капитал как совокупность четырех элементов: цифровой грамотности (включает навыки поиска информации, работы в сети, эффективной интернет-коммуникации и т.п.), общей грамотности, уверенности в своих способностях и знания английского языка (большой объем контента в сети представлен на английском языке).

Наличие цифрового и сетевого капиталов жизненно важно для обеспечения автономии, гибкости и самостоятельности цифровых кочевников, как и обладание высоким коммуникативным и социальным потенциалом [Сизова, Григорьева, 2019. С. 55]. При этом, поскольку цифровые кочевники, работая удаленно, постоянно совершенствуют свои навыки использования цифровых технологий, их можно назвать привилегированным социальным слоем, имеющим возможность накапливать преимущества, обусловленные наличием доступа к ИКТ и высоким уровнем владения цифровыми навыками [Добринская, Мартыненко, 2019a; 2019b]. Логично предположить, что чем больше объем сетевого и цифрового капиталов у цифрового кочевника, тем больше возможностей и жизненных шансов он/она имеет для того, чтобы занять желаемую социальную позицию, выстроить траекторию жизни и достичь определенного социального успеха

---

¹³ От англ. follower – читатель, последователь, подписчик. Этим словом называют пользователя, который подписался на обновления страницы пользователя в Интернете или аккаунта в Твиттере.

(по крайней мере, в среде себе подобных, поскольку критерии успеха могут сильно различаться).

Существуют различные варианты типологизации цифровых кочевников, не все из которых адекватно отражают суть этого феномена. К примеру, нам кажется спорной попытка определить цифровых кочевников как «новую категорию мигрантов» [Trimoldi, 2018], потому что, в отличие от мигрантов, которые привязаны к своему месту работы в течение определенного срока, цифровые кочевники стремятся к регулярным перемещениям [Schlagwein, 2018b].

И. Райхенбергер выделяет три уровня цифрового кочевничества в зависимости от степени мобильности. Первый уровень включает тех индивидов, которые могут работать независимо от своего местоположения, но при этом ограничены в перемещениях и остаются в привычной домашней среде. Второй уровень предполагает случайные и периодические поездки с последующим возвращением обратно, т.е. постоянное место жительства сохраняется, а путешествия ограничены определенными временными интервалами. Третий уровень характеризуется постоянными путешествиями и перемещениями. Очень часто такие кочевники вообще не имеют постоянного места жительства, что делает их независимыми и открытыми к решению профессиональных задач из любой точки мира в любое время [Reichenberger, 2018]. На наш взгляд, данная типологизация не отражает сущности цифрового кочевничества как принципиально нового феномена, связанного с полной свободой выбора работы и места обитания, поскольку не объясняет, чем такие кочевники отличаются от обычных трудовых мигрантов или удаленных работников.

В зависимости от формата работы кочевников делят на следующие группы: фрилансеры (работающие по найму, но не на постоянной основе), предприниматели (которые создают/развивают/ведут собственный бизнес онлайн) и удаленные сотрудники, работающие на постоянной основе в компании¹⁴. И.П. Кужелева-Саган рассматривает несколько парных типов цифровых кочевников: глобальные (мобильность без границ) и городские

---

¹⁴ Кравченко В. Я хочу стать цифровым кочевником. С чего начать? | Rusbase [Эл. ресурс]. URL: <https://rb.ru/opinion/hochu-stat-kochevnikom/> (дата обращения: 13.08.2019).

(мобильность в пределах полисов); аффилированные (корпоративные) и неаффилированные (фрилансеры); финансово независимые и зависимые; вынужденные и «по призванию»; сезонные и постоянные; семейные и одинокие и пр. [Кужелева-Саган, 2015]. При этом всех этих индивидов объединяет их мобильность при сохранении полной свободы выбора места жительства и наличия возможностей для работы.

В теоретическом дискурсе вокруг феномена цифрового кочевничества исследователи пытаются выявить его эвристический потенциал [Müller, 2016]. Теоретические перспективы этот дискурса связаны с анализом кочевничества как нового типа экономической деятельности, нового социокультурного явления и новой формы организации труда, возникшей в результате развития современных технологий [Wang et al., 2018]. Такой подход позволяет сфокусироваться на различных аспектах проявления данного феномена.

Дискурсы исследования цифрового кочевничества

Экономический аспект. Группа американских ученых, проведя серию интервью с цифровыми кочевниками, предлагает рассматривать специфику их трудовой деятельности посредством анализа четырех ключевых ее элементов: 1) цифровая работа (digital work) (производство цифровых продуктов на базе цифровых платформ с помощью цифровых устройств), 2) «работа-по-требованию/запросу» (gig work), или «гиг-занятость» (такие запросы позволяют кочевникам работать в любой точке мира, если есть спрос на их навыки); 3) кочевая работа (nomad work) (свобода от правил корпоративного мира и офисного пространства требует от кочевников усилий для поиска и организации своего рабочего места и графика) и 4) приключения во время глобальных путешествий (global adventure travel) (путешествуя по тем же направлениям, что и обычные туристы, кочевники не просто осматривают достопримечательности, но и ищут ресурсы, которые позволяют им выполнять работу) [Nash и др., 2018].

Распространение феномена цифрового номадизма часто объясняют механизмами гиг-экономики. Последняя представляет собой такую модель, в которой все больше людей практикуют частичную занятость, работая на временной основе и решая

конкретные задачи, каждая из которых, как правило, оплачивается отдельно¹⁵. Для реализации проектов компании заинтересованы в привлечении независимых исполнителей – фрилансеров по краткосрочным контрактам или без них. С каждым годом все большее число компаний и корпораций обращаются к услугам квалифицированных специалистов-фрилансеров и удаленных работников, многие из которых пополняют собой ряды цифровых кочевников. На это есть несколько причин. Во-первых, оплата труда таких работников обычно дешевле, чем наем специалиста в штат. Во-вторых, в корпоративной среде получают все большее распространение практики проектной деятельности, специфика которой требует наличия большого числа узких специалистов, решающих конкретные задачи, которые в остальное время организации не нужны. Наряду с несомненными преимуществами такой модели как для работников, так и для организаций, существуют и серьезные риски, связанные с размыванием традиционных корпоративных отношений, социальной защищенностью, а также спецификой взаимодействия специалистов организаций с их клиентами [Kong et al., 2019].

Рост числа цифровых кочевников способствует развитию целой индустрии, предоставляющей продукты и сервисы для тех, кто ведет кочевой образ жизни¹⁶:

- 1) коворкинги¹⁷ и коливинги¹⁸;
- 2) специализированные сайты для поиска удаленной работы (к примеру, remoteok.io, jobbatical.com);
- 3) агентства по организации путешествий цифровых кочевников (remoteyear.com, nomadcruise.com и др.);

---

¹⁵ Gig Economy Definition. (2019). Available at: <https://www.investopedia.com/terms/g/gig-economy.asp> (accessed: 10.11.2019).

¹⁶ The MBO Partners. (2018). *A State Of Independence In America Research Brief Digital Nomadism: A Rising Trend*. Available at: <https://www.mbopartners.com/wp-content/uploads/2019/02/StateofIndependence-ResearchBrief-DigitalNomads.pdf> (accessed: 13.10.2019).

¹⁷ От англ. *coworking* – сотрудничество. Коворкинг – это способ организации труда индивидов, обладающих различными профессиональными знаниями и навыками, имеющих свободный график работы в совместно используемом пространстве для реализации своих профессиональных задач. Коворкинги становятся одной из распространенных практик экономики участия.

¹⁸ От англ. *coliving* – совместное проживание. Коливинг – это форма проживания индивидов в общем пространстве с предоставлением возможности комфортной совместной организации быта при сохранении полной автономии каждого жильца. Рост популярности коливинговых пространств является в том числе результатом распространения практик нового кочевого образа жизни.

4) информационные интернет-ресурсы для цифровых кочевников (к примеру, nomadlist.com)¹⁹)²⁰.

В начале 2019 г. в Эстонии появилась первая в мире виза для цифровых кочевников, которая дает право на проживание в стране в течение 365 дней, а также на получение шенгенской визы на срок до 90 дней²¹.

Исследования показывают, что к числу наиболее распространенных профессиональных сфер цифровых кочевников относятся IT, PR и маркетинг, журналистика, консалтинг, образование, аудит и бухгалтерия, HR, работа с клиентами (страхование, финансы). Среди них много программистов, веб-дизайнеров, системных администраторов и специалистов по продвижению сайтов; дизайнеров, фотографов и операторов (а также специалистов по обработке фотографий). Есть также репетиторы и преподаватели (они, как правило, используют для работы голосовую и видеосвязь), консультанты, спичрайтеры и создатели текстов и веб-контента, переводчики, специалисты по подбору персонала, страховые агенты и т.п. [Кужелева-Саган, 2015; Krivtsova, Martynova, 2018]. Помимо высокой географической мобильности, цифровые кочевники должны обладать определенной гибкостью в решении профессиональных задач, часто они работают фрилансерами или самозанятыми «интернет-предпринимателями» [Sutherland, Jarrahi, 2017. С. 97:6].

Официальной статистической информации по количеству цифровых кочевников в нашей стране нет. Косвенные оценки можно получить по данным опросов, проводившихся аналитическим центром НАФИ, а также компанией HeadHunter, изучавших текущее положение удаленных работников, их мотивацию

---

¹⁹ На сайте nomadlist.com представлен рейтинг городов и стран с точки зрения удобства для ведения кочевого образа жизни. В рейтинге более 1200 городов, которые расположены в соответствии с определенными критериями (стоимость проживания, качество Интернета, безопасность, развлечения и т.п.). Первое место – Чангу (Бали) – 5 п.п. из 5, далее – Берлин (Германия) – 4,88 из 5, на третьем месте – Будапешт (Венгрия) – 4,83 из 5, на последнем месте – Нджамена (Чад) – 0,15 п.п. Среди российских городов Москва занимает 60-е место в этом рейтинге (3,45 п.п. из 5), Санкт-Петербург – 67-е место (3,41 п.п. из 5).

²⁰ Существуют специализированные страховые продукты для кочевников (например, safetywing.com), автопроизводители предлагают специальный транспорт для путешественников и т.д.

²¹ Vahtla, A. (2018). Digital nomad visa could bring over 1,400 workers per year to Estonia. ERR. Available at: <https://news.err.ee/689308/digital-nomad-visa-could-bring-over-1-400-workers-per-year-to-estonia> (accessed: 15.10.2019).

и отношение к возможной смене места жительства. Так, опрос компании HeadHunter²² показал, что среди работающих соискателей 31% работает удалённо (14% – фрилансеры; 17% – удаленные сотрудники в штате компаний). Более половины из них (53%) целенаправленно искали работу, предполагающую удаленную занятость. Лидеры по числу работающих удаленно – Самарская и Свердловская области (по 42%), при этом фрилансеров больше в Свердловской области (26%), а удаленных работников, оформленных в штате компании – в Самарской (29%).

Примечательно, что большинство из тех, кто в настоящее время работает в офисе (85%), планируют в будущем перейти на удаленную работу как фрилансеры (23%) или в штате компании (62%). В отраслевом разрезе лидируют по количеству удаленных работников сферы маркетинга, рекламы и PR (56%), а также искусства, развлечения и массмедиа (55%), далее идут юристы и специалисты IT. Из опрошенных журналистов, редакторов, дизайнеров, фотографов и иллюстраторов 47% работают в качестве фрилансеров.

В удаленной работе респондентов привлекает гибкость рабочего графика, экономия времени и денег на дорогу до офиса, возможность работать из другого региона или из-за рубежа, а также совмещать несколько проектов. К негативным аспектам они относят недостаток общения по рабочим вопросам, отсутствие карьерного и профессионального роста, отвлекающие от работы бытовые факторы.

Из респондентов, которые работают удаленно как штатные сотрудники, 56% живут в том же городе, где находится их компания, 34% работают на компании из других городов, 6% опрошенных оформлены в штат фирм-нерезидентов, еще у 5% работодатель не имеет собственного офиса. Работают из дома 69% респондентов, 24% ответили, что «бывает по-разному», а «модный образ фрилансера, работающего в кафе или коворкинге, и вовсе не имеет ничего общего с действительностью», заключают специалисты HeadHunter²³.

---

²² В опросе, проводившемся в январе 2019 г., приняли участие 3 693 человека из разных регионов РФ. Сколько у нас фрилансеров и где они работают: результаты опроса [Эл. ресурс]. URL: <https://hh.ru/article/24036> (дата обращения: 17.19.2019).

²³ Сколько у нас фрилансеров и где они работают: результаты опроса [Эл. ресурс]. URL: <https://hh.ru/article/24036> (дата обращения: 17.09.2019).

Данные всероссийского исследования, проведенного НАФИ, свидетельствуют о том, что в 2018 г. отношение россиян к собственной трудовой миграции стало менее негативным. Так, доля работающих россиян, которые ни при каких условиях не готовы к переезду в другой город или регион для лучшего трудоустройства, сократилась с 51 до 45% (по сравнению с 2017 г.), а доля тех, кто не хочет переезжать, но полностью не исключает такую возможность, выросла с 18 до 22%.

Трудовая мобильность выше у молодежи до 34 лет, а также среди жителей малых городов и поселков городского типа (44%) и городов с населением от 100 до 500 тыс. человек (42%)²⁴. Чем старше работник, тем сложнее ему решиться на переезд для лучшего трудоустройства (от 18 до 24 лет – 53%, от 45 до 54 лет – 23%). Женщины проявляют готовность к переезду реже мужчин²⁵.

На наш взгляд, результаты приведенных исследований свидетельствуют о наличии определенного потенциала цифрового кочевничества в нашей стране.

Социокультурный аспект. Анализ образа жизни цифровых кочевников показывает их стремление сохранять баланс между работой и досугом. Это проявляется в способности современных номадов работать удаленно и одновременно путешествовать, используя для этого различные технические средства (ноутбук, планшет, смартфон и т.п.). Однако существует и другая точка зрения, авторы которой, опираясь на результаты серии интервью с цифровыми кочевниками, указывают на риски размывания границ между трудом и отдыхом [Krivtsova, Martynova, 2018].

Интересный взгляд на образ жизни цифровых кочевников предложила Б. Томпсон. Она указывает на переосмысление жизненных траекторий и ценностных ориентаций цифровых кочевников, где на выбор местоположения индивида и даже на его идентичность влияет главным образом досуг (пляжный отдых и серфинг, альпинизм или сноуборд). Профессиональная деятельность при этом отходит на второй план [Thompson, 2019].

---

²⁴ Было опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России. Число работающих россиян старше 18 лет среди опрошенных составило 1100 человек.

²⁵ НАФИ. Россияне стали более гибко относиться к смене места жительства из-за работы. 2018. [Эл. ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-stali-bolee-gibko-otnositsya-k-smene-mesta-zhitelstva-iz-za-raboty/> (дата обращения: 17.09.2019).

Однако ряд исследований показывает, что цифровые кочевники все же придают важное значение производительности труда и качеству выполненной работы [Müller, 2016]. Поэтому при выборе места очередного временного пристанища они руководствуются и вопросами о том, каковы здесь возможности выполнения их трудовых задач, установления новых контактов в профессиональной сфере [Hall et al., 2019].

Выбор кочевого образа жизни, как правило, отражает особую жизненную позицию индивида: «от корпоративного рабства к цифровой свободе». Мобильность кочевников дает им чувство свободы, а идентичности, к которым они стремятся, являются «фрагментированными и атомизированными, свободно выбираемыми и сменяемыми» [Кимелев, Полякова, 2017. С. 470]. Рационализация жизненных стратегий и практик стимулирует к отходу от существующей системы ценностей, навязанных стереотипов и стандартов в стремлении улучшить качество жизни. Идентичность раскрывается уже не в рамках общепринятых норм и правил, а чаще вопреки им.

В исследованиях специфики самоидентификации цифровых кочевников Дж. Тримолди фиксирует три аспекта идентичности. Во-первых, через разделение себя и обычных путешественников, а также удаленных работников в традиционном их понимании. Во-вторых, конструирование себя как части сообщества с одинаковыми ценностными установками и жизненными ориентирами, общими интересами и схожими трудностями в ведении кочевого образа жизни. В-третьих, определение себя через отнесение к разным группам внутри сообщества цифровых кочевников.

Описывая собственный опыт кочевой жизни, они говорят, что со временем фокус смещается от желания «просто работать и путешествовать» к достижению полной финансовой независимости и возможности бесконечной мобильности благодаря профессиональной деятельности. Если сначала их цель состоит в том, чтобы посетить как можно больше стран и быть свободным, прежде всего в пространстве, то со временем появляется желание самому стать «работодателем», чтобы получать постоянный «пассивный доход» и иметь полную свободу во времени и пространстве.

Благодаря высокому уровню доверия, существующего в обществе кочевников, роль этого сообщества чрезвычайно важна при определении их идентичности, некоторые исследователи

даже считают ее решающей. Более опытные кочевники нередко являются своего рода «менторами» для новичков. На встречах, в соцсетях, на специализированных ресурсах идет постоянный обмен опытом, обсуждаются интересные кейсы и проблемы, с которыми сталкиваются представители сообщества [Trimoldi, 2018]. Примечательно, что, работая на базе множества цифровых платформ, кочевники не идентифицируют себя с конкретными организациями, что не мешает им находить для обсуждения схожие рабочие ситуации. Эта особенность позволяет определять их сообщество как «сообщество практики» [Sutherland, Jarrahi, 2017].

Благодаря свободе перемещения, свободному графику работы, свободе саморазвития, работа и досуг для цифровых кочевников больше не являются константной дихотомией, четко разделенной во времени и пространстве. Их целью становится обеспечение целостного, сбалансированного соединения двух важнейших жизненных сфер – труда и отдыха. Здесь путешествия представляют собой не случайные и ограниченные по времени поездки, как у большинства людей, а практически постоянные перемещения, непрерывную часть жизни [Reichenberger, 2018].

Как отмечает М. Арпентьева, увеличение числа цифровых кочевников способно в будущем изменить расстановку сил на рынке труда, повлиять на институт семьи и брака, изменить требования к организации жизнедеятельности поселений в соответствии с новыми ценностями части граждан и специфическими видами («траекториями») их мобильности. По мнению исследователя, существует также реальная угроза возникновения конфликта между цифровыми кочевниками и коренными жителями, привязанными к определенной территории [Арпентьева, 2017].

Эксперты MBO Partners полагают, что современные тенденции указывают на потенциал роста числа цифровых кочевников. Так, по данным опросов, многие представители поколения эбби-бумеров после выхода на пенсию намерены продолжать трудиться, в том числе совмещая работу с путешествиями по стране или за ее пределами. Представители поколений X, Y и Z считают для себя привлекательным и возможным работать и путешествовать одновременно²⁶. Растет и спрос на таких работников. Современные

---

²⁶ The MBO Partners. (2019). *A State of Independence in America Research Brief Digital Nomads: Leading the Shift to Remote and Distributed Work*. Available at: https://s29814.pcdn.co/wp-content/uploads/2019/09/DigitalNomad_2019.pdf (accessed: 13.01.2020).

организации все чаще предоставляют постоянным сотрудникам возможности для гибкого графика и удаленной занятости, и охотно привлекают для выполнения тех или иных задач фрилансеров.

Технологический аспект. Ключевую роль в поддержании образа жизни цифровых кочевников (их профессиональной деятельности и повседневных практик) играют цифровые технологии и инфраструктура [Nash et al., 2018]. Они влияют на все аспекты их жизнедеятельности: от поиска и привлечения клиентов (работодателей) до выполнения работы и общения (профессионального и бытового). Не забудем также об онлайн-сервисах по заказу билетов на транспорт, поиску жилья, получения медицинских консультаций и т.д.

Кроме того, если еще несколько лет назад развитие рынка удаленной работы сдерживалось развитием информационно-коммуникационной инфраструктуры, возможностями электронных носителей по хранению и переносу информации, то сегодня благодаря новейшим информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), коммуникативные возможности возросли многократно. Для доступа к огромным массивам данных достаточно устройства небольшого размера [Messenger, Gschwind, 2016]. Облачные сервисы делают информацию доступной в любое время практически из любой точки мира, поисковые системы и программы помогают в сборе и анализе информации, через социальные сети (Фейсбук, Твиттер, Инстаграм и др.) можно эффективно покупать и продавать продукты и услуги, искать работу и деловых партнеров.

Таким образом, технологии обеспечивают мобильную и гибкую рабочую среду, но они же требуют от пользователя значительного опыта и навыков. Цифровые кочевники обычно демонстрируют высокий уровень цифровой грамотности в работе с программными продуктами, навигации в Интернете и коммуникации в социальных сетях. Поскольку их образ жизни предполагает постоянные переезды, многие из них предпочитают обмениваться ресурсами (используя коворкинги и коливинги), а не владеть ими.

Риски кочевого образа жизни

В рамках экономического, социокультурного и технологического дискурсов рассматриваются как позитивные, так и негативные аспекты цифрового кочевничества. Трудовая сфера

в цифровом обществе характеризуется большой неопределенностью отношений, обусловленной ростом precarious занятости [Стэндинг, 2014; Тощенко, 2018], с одной стороны, и расширением «нации свободных агентов»²⁷, с другой [Анисимов, 2017].

Для популярной литературы и СМИ сегодня свойственна идеализация образа этих «свободных агентов», коими и представляются цифровые кочевники [Стребков, Шевчук, 2019]. Однако необходимо посмотреть и на оборотную сторону распространения данного феномена.

Цифровые кочевники, стремящиеся сохранить профессиональную независимость и при этом обеспечить достойный уровень жизни для себя и своих родных, платят за это высокую цену. У многих из них возникают проблемы, связанные с психическим и физическим здоровьем. Человек, ведущий кочевой образ жизни, фактически предоставлен сам себе и не имеет гарантированной поддержки со стороны государства и общества. Исследователи отмечают, что одним из наиболее серьезных рисков для себя цифровые кочевники считают precarious характер труда, когда занятость и доход не являются предсказуемыми и стабильными [Krivtsova, Martynova, 2018].

Результатом распространения гиг-экономики становится нарастающая в обществе неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие социальных гарантий (таких как медицинская страховка, пособия). Д. О. Стребков и А. И. Шевчук указывают, что «высокий уровень автономии в распоряжении собственным временем не только имеет очевидные преимущества, но и может приводить к самоэксплуатации» [Стребков, Шевчук, 2019. С. 86]. Это влечет за собой нарушение баланса между работой и личной жизнью, что противоречит одной из базовых ценностей цифровых нómáдов.

Интересный вывод делает автор статьи в *New York Times*, посвященной опыту цифрового кочевничества в Roam²⁸. Она пишет, что вопреки утверждению о том, что цифровое кочевничество – это способ ухода от давления технологического прогресса, глобализации и всепроникающей логики капитализма, такой образ

---

²⁷ Пинк Д. *Нация свободных агентов. Как новые независимые работники меняют жизнь Америки*. М.: Секрет фирмы, 2005.

²⁸ Roam Co-living (roam.co), предоставляющая коливинговые и коворкинговые пространства для цифровых кочевников.

жизни на деле лишь усиливает это давление: «Вы можете уехать куда угодно лишь при условии, что не перестанете работать»²⁹.

Заключение

Текущая экономическая конъюнктура определяет положительную динамику числа удаленных работников, которая сохранится и в будущем. Современные технологии дают все больше возможностей для полноценной и эффективной удаленной занятости. Работодатели и работники все чаще выбирают формы удаленного сотрудничества. К 2023 г. прогнозируется увеличение глобальной мобильной рабочей силы до 1,88 млрд чел., что составит более 43% от ее общего количества³⁰. Развивается специализированная инфраструктура для удаленной работы в виде коворкингов, число которых растет как в мире³¹, так и в России³² (лидеры – Москва и Санкт-Петербург, далее – Московская область, Краснодарский край, Новосибирская область и т.д.). За 2018 г. рынок коворкингов вырос примерно на 20%. Согласно прогнозам, к концу 2019 г. в мире будет около 22400 коворкинг-площадок³³, где будут работать почти 2,2 млн чел. Появляются даже виртуальные коворкинги (www.sococo.ru, www.myworkhive.com), которые представляют собой визуализацию виртуального офиса. Все это создает благоприятные условия для распространения цифрового кочевничества в ближайшем будущем.

Существует множество аспектов для изучения феномена цифровых кочевников. Мы в своем обзоре рассмотрели три исследовательских дискурса: экономический, социокультурный

---

²⁹ Чайка, К. (2018). When You're a 'Digital Nomad,' the World Is Your Office – The New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/02/08/magazine/when-youre-a-digital-nomad-the-world-is-your-office.html> (accessed: 10.11.2019).

³⁰ Luk, G. (2018). *Global Mobile Workforce Forecast Update 2017–2023*. Available at: <https://www.strategyanalytics.com/access-services/enterprise-workforce-market-data/report-detail/global-mobile-workforce-forecast-update-2017–2023> (accessed: 23.11.2019).

³¹ Jones, A., Foertsch, C. New Global Survey: Everything You Wanted to Know About Coworking | Deskmag | Coworking [Эл. ресурс]. URL: <http://www.deskmag.com/en/take-the-new-2019-global-coworking-survey-everything-you-wanted-to-know-about-coworking> (дата обращения: 05.02.2019).

³² Филатов А. Крупнейший коворкинг WeWork откроется в «Белой площади» – Ведомости [Эл. ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2018/12/11/789040-kovorking> (дата обращения: 05.02.2019).

³³ Mazareanu, E. Number of coworking spaces worldwide 2018. Statista [Эл. ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/554273/number-of-coworking-spaces-worldwide/> (дата обращения: 12.08.2019).

и технологический. Цифровой кочевник стремится к свободе «от офисного рабства» и балансу между трудом и досугом. В его самоидентификации, профессиональной и бытовой жизни важную роль играют сообщество ему подобных, доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям и навыки владения ими.

Отсутствие «дома», чрезвычайно высокий уровень географической мобильности – вот то, что принципиально отличает цифровых кочевников от обычных удаленных работников или трудовых мигрантов. Как правило, цифровые кочевники относительно свободны в выборе проектов, которые находят для себя привлекательными с точки зрения дохода и профессиональных интересов. Высокая географическая мобильность, обладание достаточным объемом сетевого и цифрового капиталов наделяют их потенциалом, определяющим уровень дохода, профессиональные навыки и социальный статус.

Исследования показывают³⁴, что лишь относительно небольшая часть удаленных работников – это фрилансеры и владельцы собственного бизнеса. Для поддержания стабильного уровня дохода большинство из них стремится получить постоянное место в штате работодателя. Кроме того, подавляющее большинство (83%) удаленных работников обычно трудятся, не выезжая за пределы своей страны, 9% работают, находясь в другой стране, и у 8% опрошенных – время распределено примерно одинаково между родиной и работой за границей. При этом только 24% из них считают себя цифровыми кочевниками (17% сообщили о том, что посещают более пяти стран в год).

Растущий масштаб, малопредсказуемые последствия и специфические риски цифрового кочевничества актуализируют необходимость изучения этого феномена и перспективы его распространения в российском обществе как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях.

Литература/ References

Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44–52. DOI: 10.7868/S013216251711006X

---

³⁴ Данные по результатам опроса 3 755 респондентов, проводившегося в мае 2018 года. Remote Work and Digital Nomads Study 2018 – The Anywhere Workers [Эл. ресурс]. URL: <https://www.and.co/anywhere-workers> (дата обращения: 13.08.2019).

Anisimov, R.I. (2017). Labor in the uncertainty epoch. *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*. No. 11. Pp. 44–52. (In Russ.). DOI: 10.7868/S013216251711006X

Арпентьева, М.Р. Цифровой номадизм и идентичность / Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции «Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд». Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 24–30.

Arpentieva, M.R. (2017). *Digital nomadism and identity in Connect-Universum – 2016: The Collection of Materials of the Third International Transdisciplinary Scientific and Practical WEB-Conference*. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University. Pp. 24–30. (In Russ.)

Вершинина И. А. «Коннектография» Парага Ханна: сети городов в XXI веке // Вестник Томского Государственного Университета. Философия, Социология, Политология. 2018. № 44. С. 147–154.

Vershinina, I. A. (2018). Parag Khanna's connectography: urban networks in the 21st century. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 44. Pp. 147–154. (In Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/44/15

Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Цифровой разрыв в России: особенности и тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019а. № 5. С. 100–119. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.06

Dobrinskaya, D.E., Martynenko, T.S. (2019a). Defining the Digital Divide in Russia: Key Features and Trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. Pp. 100–119. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.05.06.

Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019b. Т. 19. No. 1. С. 108–120. DOI: 10.22363/2313–2272–2019–19–1–108–120

Dobrinskaya, D.E., Martynenko, T.S. (2019b). Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels. *Rudn Journal of Sociology*. Vol. 19. No. 1. Pp. 108–120. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313–2272–2019–19–1–108–120

Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М.: ИИЦ «Праксис», 2017. 492 с.

Kimelev, Yu.A., Polyakova, N.L. (2017). *Modernity and the process of individualization: the historical destinies of the modern individual*. Moscow. Praxis Publ. (In Russ.).

Кужелева-Сазан И. П. Бизнес-коммуникации в условиях цифрового кочевничества // Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов: сб. ст. по материалам международной научной конференции. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2015. С. 178–188.

Kuzheleva-Sagan, I.P. (2015). *Business communications in the context of digital nomadism*. (NIU VSHE9–11 iyulya 2015). Moscow. Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki. Pp. 178–188. (In Russ.)

Кужелева-Сазан И. П. Культура цифровых кочевников и возможные подходы к её изучению // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский

тренд. Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 166–182.

Kuzheleva-Sagan, I.P. (2017). *Digital Nomad Culture and Possible Approaches to its Study*. Connect-Universum – 2016. Tomsk. Izd. dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 166–182. (In Russ.).

Кужелева-Саган И.П., Сучкова Н.А. Онтология сетевого общества и культура цифровых кочевников: методологические подходы // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. DOI: 10.17223/15617793/440/8

Kuzheleva-Sagan, I.P., Suchkova, N.A. (2019). The Ontology of the Network Society and the Culture of Digital Nomads: Methodological Approaches. *Tomsk State University Journal*. No. 440. Pp. 58–63. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/440/8

Сизова И.Л., Григорьева И.А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. Т. 25. No. 1. С. 48–71. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279

Sizova, I.L., Grigoryeva, I.A. Fragility of Labor and Employment in the Modern World. *Sotsiologicheskij Zhurnal. Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 1. Pp. 48–71. (In Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. No. 3. С. 86–102. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.06

Strebkov, D.O., Shevchuk, A.V. (2019). The trap of flexible work schedule: how unusual working patterns influence the work-life balance of freelancers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. Pp. 86–102. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.06.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Standing, G. (2014). *The Precariat. The new dangerous class*. Moscow. Ad marginem press. (In Russ.).

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ; Наука, 2018. 350 с.

Toshchenko, Zh.T. (2018). *Precariat: From the Protoclass to a New Class*. Moscow. Nauka Publ. (In Russ.).

Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Urry, J. (2012). *Mobilities*. Moscow. Praxis Publ. (In Russ.).

Яковлева Е.Л., Селиверстова Н.С., Григорьева О.В. Концепция электронного кочевника: риски развития цифровой экономики // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. No. 4. С. 226–241. DOI: 10.21202/1993–047X.11.2017.4.226–24127.

Iakovleva, E.L., Seliverstova, N.S., & Grigoryeva, O.V. (2017). Concept of digital nomad: fundamental risks of digital economy development. *Actual Problems of Economics and Law*. Vol. 11. No. 4. Pp. 226–241. (In Russ.). DOI: 10.21202/1993–047X.11.2017.4.226–241

Barrett, R. (2018). *Be a nomad change your life: the ultimate guide to Living Full-Time in a Van or RV*. JP Books.

Bourdieu, P. (1984). *A Social Critique of the Judgement of Taste. Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*.

Hall, G. et al. (2019). Motivations, Mobility and Work Practices; The Conceptual Realities of Digital Nomads Grant. In L. Cantoni & Z. Xiang (Eds.), *Information and Communication Technologies in Tourism 2019* (Pp. 437–449). Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. DOI: 10.1007/978-3-642-36309-2

Jacobs, E., & Gussekloo, A. (2016). *Digital nomads: how to live, work and play around the world*. Location-Independent Publishers.

Knudson, P., & Conaway, K. (2017). *The Digital Nomad Survival Guide: How to Successfully Travel the World While Working Remotely*. Independently published.

Kong, D., Schlagwein, D., & Cecez-Kecmanovic, D. (2019). Issues in Digital Nomad – Corporate Work: an Institutional Theory Perspective. In *Proceedings of the 27th European Conference on Information Systems (ECIS), Stockholm & Uppsala, Sweden, June 8–14*. Pp. 1–16.

Krivtsova, E.V., & Martynova, T.N. (2018). Digital Nomadism. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Vol. 289. Csis. Pp. 389–395.

Makimoto, T., & Manners, D. (1997). *Digital nomad*. New York: John Wiley & Sons.

Messenger, J.C., & Gschwind, L. (2016). Three generations of Telework: New ICTs and the (R)evolution from Home Office to Virtual Office. *New Technology, Work and Employment*. Vol. 31, No. 3. Pp. 195–208.

Mitchell, W.J. (2004). *Me++*. *The Cyborg Self and the Networked City*. MIT Press.

Müller, A. (2016). The digital nomad: Buzzword or research category? *Transnational Social Review*. Vol. 6, No. 3. Pp. 344–348. DOI: 10.1080/21931674.2016.1229930.

Nash, C. et al. (2018). Digital Nomads Beyond the Buzzword: Defining Digital Nomadic Work and Use of Digital Technologies. In *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)*. Pp. 207–217. DOI: 10.1007/978-3-319-78105-1_25

Prester, J., Cecez-Kecmanovic, D., Schlagwein, D. (2019). Becoming a Digital Nomad: Identity Emergence in the Flow of Practice. In *Fortieth International Conference on Information Systems*. Munich. Pp. 1–9.

Ragnedda, M. (2017). *The Third Digital Divide: a Weberian approach to digital inequalities*. Routledge.

Reichenberger, I. (2018). Digital nomads—a quest for holistic freedom in work and leisure. *Annals of Leisure Research*. Vol. 21, No. 3. Pp. 364–380. DOI: 10.1080/11745398.2017.1358098

Schlagwein, D. (2018a). “Escaping the Rat Race”: Justifications in Digital Nomadism”. *Research-in-Progress Papers*. 31. Available at: https://aisel.aisnet.org/ecis2018_rip/31

Schlagwein, D. (2018b). The History of Digital Nomadism in *International Workshop on the Changing Nature of Work (CNOW)*. San Francisco. Pp. 1–5.

Sutherland, W., & Jarrahi, M.H. (2017). The Gig Economy and Information Infrastructure. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. Vol. 1. CSCW. Pp.1–24. DOI: 10.1145/3134732.

Thompson, B.Y. (2018). Digital Nomads: Employment in the Online Gig Economy. *Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation*. No. 1. Pp. 1–26. DOI: 10.12893/gjpci.2018.1.11.

Thompson, B.Y. (2019). The Digital Nomad Lifestyle: (Remote) Work/Leisure Balance, Privilege, and Constructed Community. *International Journal of the Sociology of Leisure*. Vol. 2. No. 1–2. Pp. 27–42. DOI: 10.1007/s41978-018-00030-y.

Trimoldi, G. (2018). Digital Nomads: a new category arising in the mobility turn. In *Migration Lisbon 2018*. Lisbon, Portugal.

Wang, B. et al. (2018). Digital Work and High-Tech Wanderers: Three Theoretical Framings and a Research Agenda for Digital Nomadism. *Australasian Conference on Information Systems* (February 2019). Pp. 1–12. Available at: http://www.acis2018.org/wp-content/uploads/2018/11/ACIS2018_paper_127.pdf (accessed: 15.10.2019).

Статья поступила 24.12. 2019.

Статья принята к публикации 15.01.2020.

Для цитирования: Добринская Д.Е. О феномене цифрового кочевничества // ЭКО. 2020. № 2. С. 37-59. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59.

For citation: Dobrinskaya, D.E. (2020). On Phenomenon of Digital Nomadism. *ECO*. No. 2. Pp. 37-59. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59.

Summary

Dobrinskaya, D.E., Cand. Sci. (Sociology), Lomonosov Moscow State University, Moscow

On Phenomenon of Digital Nomadism

Abstract. Digital nomadism is the practice of leading a nomadic or semi-nomadic lifestyle in a digital society. Thanks to modern information and communication technologies, digital nomads have opportunities to work, constantly traveling around the world. In this review article, digital nomadism is analyzed in the framework of three discourses: economic, sociocultural, and technological. The mechanisms of the gig economy and features of digital work are considered factors of spreading digital nomadism. The identity of digital nomads unlike that of ordinary remote workers reveals itself in striving for a balance between work and leisure practices. There is also an important role played by the nomad community. The technological discourse examines the role of technology in the life of digital nomads. The paper highlights a number of characteristics of a digital nomad: a conscious choice of nomadic lifestyle, an extremely high level of geographical mobility, ownership of network and digital capital. In conclusion, the issue of risks and threats for those who choose digital nomadism as their life path is problematized. The paper is based on results of research into digital nomadism and remote employment conducted in 2017–2019.

Keywords: digital transformation; digital society; digital nomadism; digital nomad; gig economy; freelancers; leisure; digital employment; network capital; digital capital; social risks